

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 604 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ЕДИНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО
ПРОЦЕССА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1982

Редакционная коллегия: В. Беззубов, С. Исаков, Ю. Лотман
(председатель), П. Рейфман.

Ответственный редактор тома П. Рейфман

ГИБЕЛЬ ПЕТРА I В РЕКЕ СМОРОДИНЕ

М.Б. Плюханова

В русском историческом фольклоре существует сюжет, образованный связью песни (или эпизода) о рождении Петра I с песней о гибели молодца в реке Смородине. Количество и авторитетность существующих записей заставляет считать такие соединения если и не оригинальной песней, то, во всяком случае, устойчивой контаминацией. В собрании Киреевского контаминация представлена двумя вариантами, записанными Языковым.¹ В сборнике Кирши Данилова песня о рождении Петра и песня о Смородине следуют одна за другой и имеют совершенно одинаковое ритмическое построение. Комментаторы предполагают, что песни исполнялись подряд.² Таким образом, все авторитетные записи эпизода о рождении Петра связаны с песней о Смородине. Вероятно, этот эпизод был вообще не способен к самостоятельному бытованию.

В фольклористике существует некоторое недоверие к абсурдному, с точки зрения здравого смысла, сюжету о гибели Петра в Смородине; причины его образования ищут в случайностях, не существенных для жизни фольклора. По мнению Вс. Миллера, песня о рождении Петра была слишком коротка и потому прилепилась к большей — о Смородине.³ В.К. Соколова предположила, что источником контаминации была ошибка, допущенная И.П. Сахаровым при подготовке к изданию "Песен русского народа".⁴ В академическом издании исторических песен эпизод о рождении Петра приведен как самостоятельный, вне связи с

¹ Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. I. Л., 1977, № 241-242. (Далее — Киреевский).

² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977, № 32-33, с. комментария 448. (Далее — Кирша Данилов).

³ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897, с. 160.

⁴ Соколова В.К. Русские исторические песни XVI-XVIII вв. М., 1960, с. 248.

песней о Смородине.⁵

Подход к интересующей нас контаминации как к тексту дефектному определен принципиальной ориентацией исследователей на некий правильный фольклорный текст, на инвариант. С таких методологических позиций разнообразные эксцессы в жизни фольклорного сюжета: перемещения эпизодов, контаминации, интерполяции, подмены имен и пр., — могут не приниматься во внимание как явления поверхностные. Корректность такого подхода к архаическим фольклорным формам неоспорима, но слишком последовательное его осуществление при исследовании фольклора исторического может привести к некоторым потерям.

Исторический фольклор, вырастая из традиционных фольклорных форм и представлений, долго сохраняет органическую связь с ними. Исторические песни заимствуют из былин, баллад готовые текстовые блоки и не сразу приобретают существенно новые стилистические черты. Между ранней исторической песней и исходными формами не возникает ощутимых стилистических границ. Предания и песни нового типа не далеко отстоят от традиционных и по степени опосредованности, с какой они воспроизводят реальные события. Странно было бы, например, утверждать, что былина о Добрыне-змеборце, хотя и рисует ситуацию борьбы с язычеством в древней Руси, но менее исторично и точно, чем песня о бегстве Петра I из Стекольного изображает обстановку русско-шведского конфликта. Прямые сопоставления с историческими обстоятельствами в обоих случаях одинаково мало продуктивны.

Вечно пирующий былинный князь Владимир имеет столько же оснований считаться историческим лицом, сколько и Иван Грозный в песне о гневе на сына. Это тем очевиднее, что сама ситуация и средства описания Иванова пира полностью заимствованы из былин Владимирова цикла,⁶ так что песенно-исторический царь Иван лишь подменяет здесь собой эпического Владимира. Таким образом в этом тексте Иван IV, еще царствовавший в период создания песни и даже, вероятно, еще не успевший убить сына,⁷ получает роль эпического характера. При этом не вызывает сомнения, что Иван Грозный, изображенный на пиру

⁵ Исторические песни XVII века. М.-Л., 1966, №№ 135-137.

⁶ См. об этом: П у т и л о в Б.Н. Песня о гневе Ивана Грозного на сына. — Русский фольклор. Материалы и исследования. Вып. IV. М.-Л., 1959.

⁷ Там же, с. 7.

исходно владимировом, есть персонаж исторического фольклора, в то время как князь Владимир на своем собственном пиру есть эпический персонаж. Именно в том, что на месте Владимира оказывается Иван, и проявляются особенности фольклорного мышления нового типа.

С того момента, как текст, пусть эпический по происхождению, стилю, мотивному составу, сюжету, приобретает способность изменяться за счет внесения в него новых исторических деталей, прежде всего — новых исторических имен, он становится принадлежностью исторического фольклора. То что для былинного текста — дефект, признак испорченности, для исторической песни оказывается основным принципом поэтики. Если для эпической традиции устойчивая закрепленность определенных сюжетов за определенным персонажем (Илья Муромец одолевает Соловья, Добрыня-змея, Микула поднимает тягу земную и т.д.) — нерушимый закон, то, напротив, в историческом фольклоре не только мотивы и сюжеты, но даже песни полностью легко меняют своих героев. Целые циклы песен и преданий русского исторического фольклора могут кочевать от одного персонажа к другому. Цикл сюжетов о Ермаке переходит к Разину, разинский фольклор становится фольклором крестьянской войны под предводительством Пугачева.⁸ Сюжеты, сложившиеся применительно к Ивану Грозному, переходят к Петру I и т.д.

Классической для исторического фольклора является песня о сынке Степана Разина, в разных вариантах которой "сынок" получает ряд исторически конкретных имен: от Гришки Отрепьева до Пугачева. Численно преобладающими и, с точки зрения достоверности, наиболее естественными являются варианты, в которых сынок остается безымянным. Но для исследования фольклорно-исторического сознания представляют интерес все варианты во всем разнообразии деталей, а называющие "сынка" по имени — в особенности. Включенность исторического имени в контекст песни означает, что поименованное лицо в народных представлениях обладает свойствами, дающими ему право на исполнение в фольклорном тексте определенной роли, в данном случае — роли "сынка".

Связь между деятельностью исторического лица и его изо-

⁸ См. об этом: Ш е п т а е в Л.С. Песни разинского цикла и песни о Ермаке. — Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т.309. Л., 1966; он же. Разинские песни в XVIII веке и после пугачевского восстания. — В сб. Фольклор крестьянской войны 1773—1775 годов. К 200-летию пугачевского восстания. Л., 1973.

бражением в фольклоре сложно опосредована. Сюжеты исторического фольклора XVI-XVIII вв. не столько воспроизводят важное событие, которым руководит важное лицо (как это стало привычнее позже), сколько определяют роль, приписываемую историческому лицу народным сознанием. Ермак в фольклоре — не завоеватель Сибири, а победитель Казани. О Суворове рассказывают, что он не умер, а сидит в горе (подобно Разину, Мазепе, Гришке Отрепьеву, Ваньке Каину), и выйдет перед страшным судом. В песне Суворов (как Разин) просит похоронить его промеж "трех дорог".⁹

Таким образом, для раннего исторического фольклора контаминирование оказывается важным принципом организации смысла. Для изучения раннего исторического фольклора такие тексты, как песня о гибели Петра I в реке Смородине, имеют первостепенную важность.

Соединившиеся элементы — эпизод о Петре и песня о Смородине — не имеют никакой формальной связи, кроме ритмической (да и та сохраняется не во всех случаях). Имя Петра даже не переходит во вторую часть. Молодец баллады остается безымянным или получает имя Добрыни. Сюжет, образуемый соединением этих эпизодов, абсурден с позиций здравого смысла, не соответствует действительному ходу событий и сам по себе не логичен. И при всем том контаминация образовалась. Факт ее образования, впрочем, еще ничего особенного не означает. Он вполне может быть объяснен комментарием, которым Бессонов снабдил издание записей Языкова. Бессонов предположил, что песня была реакцией на первое заграничное путешествие Петра — отъезд на чужую сторону.¹⁰ Комментарий кажется тем более точным, что по свидетельству документов во время поездки Петра в России распространились слухи о его гибели.¹¹ Однако, помимо факта образования контаминации существует факт ее сохранения и тогда, когда отъезд Петра на чужую сторону ушел в прошлое. И чем более независимы друг от друга соединившиеся тексты, тем большее значение приобретает этот второй факт.

⁹ Л и т в и н Э.С. Образ Суворова в русском народном творчестве: — Русский фольклор. Вып. IV. М.-Л., 1959, с. 38.

¹⁰ Песни, собр. Н.В. Киреевским. Ред. П. Бессонов. Вып. 8. Русь Петровская М., 1870, с. XIV, стр. 3-15 текста песен о Петре и Смородине.

¹¹ Ч и с т о в К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967, с. 97-99.

Устойчивая связь двух внешне не связанных частей свидетельствует о сохранении между ними особо сильной внутренней связи. Неожутимость ее для современного исследовательского восприятия свидетельствует лишь о том, что эта связь имеет специфически фольклорную природу. Именно так описана песня о гибели Петра-молодца в Смородине в комментарии к современному изданию сборника Кирши Данилова: "Эпизод этот (о Петре) никак не связан с данным сюжетом. Однако в сознании певцов какая-то связь существовала".¹² То есть, связи нет для исследователя, но она есть для носителя фольклора.

х х

х

Исходная баллада о гибели молодца в Смородине состоит из следующих элементов: молодец едет к реке, река предупреждает молодца об опасности, но обещает ему благополучную переправу, переправа, бахвальство молодца перед рекой, возвращение за оставленными на другом берегу ножами, гибель молодца в воде.¹³ Сюжет баллады исследователями характеризуется как весьма архаический.¹⁴ Сохраняясь как неизменное и законченное целое, баллада вместе с тем проявляла способность вступать в самые разнообразные взаимодействия, привлекать к себе новые имена и реалии. Она может соединиться со вступительными частями двух типов. В них описывается или первоначальное процветание и благополучие молодца, или рождение царевича Петра. Вступления обоих типов одинаково слабо срастаются с основным сюжетом. В некоторых случаях герой с момента отъезда получает имя Добрыни. Варианты песни, имеющей вступительную часть, легко датируются XVII в., поскольку во вступлениях содержатся соответствующие исторические детали. Исходная баллада со своим архетипическим смыслом существует, разумеется, вне какой-либо хронологической прикрепленности, но к XVIII в. она получает дополнительный статус, становится так-

¹² Кирша Данилов, с. 448.

¹³ Основные записи баллады о гибели молодца в Смородине учтены в работах: М и л л е р В.Ф. Очерки русской народной словесности, с. 159-165; П у т и л о в Б.Н. Песня "Добрый молодец и река Смородина" и "Повесть о Горе-Злочастии". - ТОДРЛ. XII. М.-Л., 1956.

¹⁴ Русская баллада. Л., с. XXI.

же и исторической песней, динамизируется, наполняется конкретно-историческим смыслом, связывающим ее не только с историческим фольклором, но и с типичнейшим литературным произведением XVIII в. — с "Повестью о Горе-Злочастии".¹⁵

Попытка объяснить такое, исторически конкретизированное, значение сюжета о гибели в реке через архетипы баллады — путь, который приводит в тупик. Исследователь мотива реки в Повести о Горе-Злочастии, в русской традиции вообще и в песне о Смородине в частности, Дж. Харкинс предложил интерпретировать мотив исходя из работ Проппа по волшебной сказке. Соответственно, сюжетные ситуации, связанные с рекой, в повестях, былинах, песнях и преданиях оказались равнозначны. В результате Харкинс отказался объяснить, за счет чего мотив такой архаичности получил способность функционировать в пределах "позднего средневекового московского мифа", в Повести о Горе-Злочастии.¹⁶

Эпизоды погружения в реку, совпадающие в балладе и песне вербально, связанные происхождением, все-таки расходятся по смыслу. Балладный эпизод подчинен строгому и стабильному канону, песенный живет в подвижном мире народной исторической мысли.

Ранний этап динамизации баллады отражен в тех ее вариантах, не имеющих еще никакой вводной части, где тонущий молодец получает имя Добрыни. На этом этапе баллада становится песней о Добрыне, вступая во взаимодействие с былинной о Добрыне-змееборце. В былине есть эпизод, близкий к балладному сюжету: мать предупреждает Добрыню об опасности купанья, Добрыня едет к реке, купается, бахвалится перед рекой. Но здесь ситуация разрешается появлением змея и боем. Некоторые записи быliny и песни о Добрыне связываются прямыми текстуальными совпадениями. Былинная реминисценция сохраняется в песне о Петре:

Формулы бахвальства:

(Петр)

(Добрыня в былине)

"Ан эта речушка

"А Пучай-река она кротка смирна,

¹⁵ На сходство баллады и "Повести о Горе-Злочастии" указал Б.Н. Путилов в статье "Песня" Добрый молодец и река Смородина и "Повесть о Горе-Злочастии".

¹⁶ William E. Harkins. The Symbol of the River in the Tale of Gore-Zlocastie. Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of Boris O. Unbegaun. New York, 1962, p. 60.

Хуже озера стоячего, — Она будто лужа-то дождевая.—¹⁸
Как дождева калужина!¹⁷

Если рассматривать соотнесенность песни о гибели Добрыни с былиной на уровне эпических значений, песня покажется результатом вырождения эпической традиции, забывания ее.

Змей — воплощение и страж другого мира, обычно обитает в реке или подле нее. Добрыня — "одна из трансформаций" героя из мифа "о бое Громовника со своим противником".¹⁹ Плавание в реке — нарушение границы. Но когда Добрыня, вместо того, чтобы поплавать и вступить в бой, тонет, функции мотивов меняются. Миф о Громовнике оказывается совершенно испорченным. Однако никакой речи о забывании эпической традиции в период возникновения песни о гибели Добрыни быть не может. Очевидно, взаимодействие былины и баллады осуществляется не на уровне эпических значений, а на другом, периферийном для этих жанров, уровне конкретно-исторических значений. Попадая в сферу влияния исторического фольклора, былина и баллада подчиняются его поэтике. Они обнаруживают способность реагировать на мелкие, случайные для эпоса, но значимые для исторического фольклора совпадения и формировать на их основании новые смыслы.

В некоторых вариантах былины в эпизод купания Добрыни внедряется сюжетное звено, не соответствующее эпическому смыслу купания как вызова и эпическому значению реки как царства змея. Оказавшиеся на реке девицы-портомойницы обращаются к Добрыне с требованием исполнить обычай: не купаться без рубашки. Добрыня в ответ высмеивает девушек.²⁰ Последующие события подтверждают правоту портомойниц. Это сюжетное звено деформирует значение других эпизодов. Вступая в конфликт с портомойницами, Добрыня нарушает обычаи своего собственного мира. В таком случае, поездка Добрыни на реку вопреки наставлениям матери может получать смысл еще одного нарушения порядка. Комментаторы отмечают, что "аналогичный эпизод с запрещенным купанием (в Ердань-реке) чаще встре-

¹⁷ К и р е е в с к и й, с. 183.

¹⁸ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом. Изд. 2-е. Т. 2. СПб, 1896, № 148. Так же см.: Т. I. СПб., 1894, № 5.

¹⁹ И в а н о в В.И., Т о п о р о в В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 170-171.

²⁰ Добрыня Никитич и Алеша Попович. Изд. подготовили Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1974, № I, Добрыня и змей, (Гильф. № 79) с. 7.

чается в былине о Василии Буслаевиче, где он выглядит более органично".²¹

Поездки Добрыни на Пучай и Василия Буслаева на Иордань тесно связаны между собой вплоть до момента благополучного выхода из воды и часто сближаются текстуально. Оба героя одинаковым образом просят благословения у матери на поездку к реке.²²⁻²³ Возражения матерей против поездки тоже иногда совпадают.²⁴⁻²⁵

Затем следует вынужденное благословение и т.д. Между первой былиной о битве Василия Буслаева с Новгородом (она часто сливается со второй — о смерти Буслаева) и былиной о Добрыне — змееборце есть сходство в описании рождения и воспитания героев. В некоторых случаях обе былины имеют общий зачин о процветании Рязани под управлением Никиты Романовича или Бусла~~ва~~^{ва}.²⁶

Иногда в былину о змееборстве входит мотив потери жизненного пути, несчастья, "неталанности", которыми, якобы, обусловлен отъезд Добрыни с родной стороны.²⁷ Этот мотив, случайный для эпического сюжета, очень важен для сюжета о Добрыне тонущем; попадает он в контекст змееборческой былины, видимо, в ходе обмена текстами и мотивами с былиной о Василии Буслаеве. Этот обмен мог производиться постоянно, поскольку обе былины входили в новгородский былинный репертуар.²⁸

Итак, Смородина, в которой тонет Добрыня — молодец, на-

²¹ Добрыня Никитич и Алеша Попович. Изд. подготовили Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1974, № I, Добрыня и змей, (Гильф. № 79) с. 375.

²² Там же, № 2 (Гильф. № 59), с. 16

²³ Новгородские былины. Изд. подготовили Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1978, № 19 (Кирша Данилов № 19) с. 92.

²⁴ Добрыня Никитич и Алеша Попович, № 2, с. 16.

²⁵ Печёрские былины. Зап. Н. Ончуков. СПб., 1904, № 28, с. 151.

²⁶ Напр.: Ончуков №№ 63, 59 — Добрыня, № 48 — Буслаев и др. Предполагается, что зачин восходит к былине о бое Добрыни с Ильей — см.: Добрыня Никитич и Алеша Попович, с. 376.

²⁷ Напр.: Рыбн. № 23, Гильф. № 3.

²⁸ Новгородские былины, с. 333.

ходится в родстве не только с Пучай-рекой, где купается Добрыня-змеборец, но и с рекой Василия Буслаева — с Иорданью.

Василий Буслаев не гибнет в водах Иордани, но купание является поступком, приводящим его впоследствии к смерти. Ср. обращение бабы залесной к Буслаеву и дружинникам:

"Почто вы купаетесь во Ердан-реке?

А некому купатися, опричь Василья Буславъевича.

Во Ердане-реке крестился

Сам Господь Иисус Христос;

Потерять его вам будет

Большова атамана Василья Буславъевича".²⁹

Вслед за эпизодом на Ердане в былине идет эпизод на священной горе, где Василий гибнет прыгая (или пытаясь перепрыгнуть) через священный камень. Мотив купания Василия Буслаева в былине чрезвычайно противоречив. Погружение в воду — прерогатива Василия, его дружинники не должны купаться. В некоторых вариантах былины Василий представлен как нарушитель запретов на определенные формы купания. В одних случаях в Иордани нельзя купаться раздетым, в других — нельзя купаться, а можно обливаться. Купание проходит совершенно благополучно, но позже карается. Усложненность и напряженность мотива погружения в воду связана с особенностями его функционирования в русском фольклоре вообще. Ярче всего эти особенности выражены в фольклоре Новгорода.

В одном из вариантов былины, записанном А.М. Астаховой, мотив купания удвоен. Первый раз монастырский старец отбрасывает Василия на середину Волхова с помощью колокольного языка.

"Обернулся Василий ярым гоголем,
Выплывал-то он на крутой берег".³⁰

Из священных вод Иордани волхв — Василий выбирается точно таким же образом — "ярым гоголем". Старец — прежде волхв и учитель Василия в волховании, теперь же — монах, олицетворение монастырского начала в Новгороде, по другим вариантам былины он — крестный отец Василия. Эпизод сбрасывания Василия в реку накладывается на сюжет характернейший для Новго-

²⁹ Кириша Данилов, с. 96.

³⁰ Новгородские былины, № 24, с. 129. Через темы обучения волховству и волховских способностей былины о Буслаеве связываются с былиной о Волхе. Связь эту нельзя не считать значимой. Попытка выяснить основания для взаимодействия этих былин проведены в кн.: Жданов Ив. Русский болевой эпос. Исследования и материалы. I—V. СПб., 1895. Василий Буслаевич и Волх Всеславъевич.

рода, известный по летописным сказаниям, преданиям фольклора, по житиям новгородских святых. При крещении Новгорода по преданиям в Волхов был сброшен идол Перуна или, по другим вариантам, бес - Болхв. Идол-бес поплыл вверх по течению и пытался выбраться на берег; чтобы воспрепятствовать этому, новгородцы построили на берегу церковь.³¹ (Ср. священный камень Алатырь - алтарь, погубивший Василия). Иоанна Новгородского - по житию его - ложно осудили и посадили на плот под Волховским мостом, чтобы пустить по течению. Совершилось чудо: плот поплыл против течения к Юрьеву монастырю. Тот же мотив использован еще в двух легендарных житиях: оклеветанного Василия Рязанского хотят убить; расстелив на воде реки свою мантию, он быстро несется против течения; такова же история Иакова Ростовского, причем, поднявшись на берег, Иаков основывает монастырь.³² В историческом Волхове родственник и воевода князя Владимира Добрыня крестил новгородцев, туда же он сбросил Перуна. В исторической речке Почайне - притоке Днепра - утопили Велеса, в ее устье крестили киевлян. Новгородских еретиков сбрасывали с моста в Волхов, туда же бросали и новгородских святых. Христианские и языческие понятия о значении воды и о смысле погружения в нее, смешавшись, придали мотиву воды в русской традиции колеблющийся, зыбкий характер. Благодаря своей двужначности, внутренней конфликтности этот мотив стал максимально благоприятной почвой для образования сюжетов о неканоническом, выводящем героя за пределы норм и традиций, конфликтном образе действий.

Двужначность мотива сказалась в исторических, изменчивых значениях былины о Добрыне-змееборце. Значение былинного Добрыни как сокрушителя язычества рассматривал уже Ес. Миллер.³³ Аргументы Миллера были приняты современной фольклористикой: "Важной чертой былинного змея является то, что он - противник христианства. Недаром в первый раз Добрыня побеждает его "шапкой земли греческой" - монашеским куколом, а во время второго боя со змеем он обращается с молитвой к Спасу, иногда слышит ободряющий "глас с неба".³⁴

В склонности Добрыни Никитича (по некоторым вариантам

³¹ Обзор преданий см.: М и л л е р. Очерки... с. 146-148; Яданов. Василий Буслаевич..., с. 403-420.

³² Ф е д о т о в Г.П. Святые древней Руси. Париж, 1931, с. 235-236.

³³ Миллер. Очерки..., с. 143-146.

³⁴ Добрыня Никитич и Алеша Попович, с. 373.

былины) заключать союз со змеем исследователи видят отражение поступков исторического воеводы Добрыни. Будущий креститель новгородцев за 9 лет до свержения идолов привез в Новгород киевский дружинный культ Перуна и воздвиг идола над Болховом.³⁵

В некоторых вариантах былины Добрыня, прежде чем войти в воду, защищает себя крестным знаменем. Когда же обстоятельства погружения Добрыни в воду не оговариваются, то в условиях двусмысленности мотива погружения в воду, его благополучный выход из воды может приобрести дополнительный смысл. Безопасное пребывание в сфере обитания змея может означать связанность со змеем, тогда Добрыня оказывается противостоящим христианскому миру и уподобляется в этом Василию Буслаеву, который погиб из-за такого противостояния. Итак, особенность мотива купания в русской традиции и взаимодействие через его посредство былин о Добрыне-змееборце и о Василии Буслаеве привели к тому, что имя Добрыни оказалось способным вместиться в сюжет баллады о гибели молодца, а балладный молодец получил ряд новых черт, уподобляющих его Добрыне и Василию, отправляющимся к реке, т.е. у баллады появилась вводная часть об обстоятельствах отъезда.

Такие же взаимодействия наблюдаются на материале другой былины новгородского цикла — о Садке. Исходным ядром былины о Садке, как установили исследователи, был древний сюжет, имеющий множество параллелей в фольклоре других народов, — уход в подводное царство и возвращение оттуда в новом качестве и с новыми возможностями. В том, как именно переходит Садко в другой мир, обнаруживаются следы языческого ритуала.³⁶

Первая часть былины — противостояние Садка всему Новгороду — не имеет сюжетных соответствий в мировом эпическом репертуаре. Исследователи отмечают: "На формирование эпизодов спора, судя по некоторым деталям разных текстов (упоминание Никольщины, заклад буйной головы), видимое влияние оказывали былины о Василии Буслаевиче и Иване Гостином сыне".³⁷ Через мотив погружения в воду былина о Садке попадает в сферу влияния былины о Василии. Следствием этого взаимо-

³⁵ См.: летописные известия о киевском воеводе Добрыне. — Добрыня Никитич и Алеша Попович, с. 329–335.

³⁶ Новгородские былины, с. 398.

³⁷ Там же, с. 394.

действия, кроме нового сюжета о споре Садка с Новгородом, является выделение эпизода о спуске Садка на воду в самостоятельную песню. Эта песня о несчастном молодце, иногда безумном, иногда сохраняющем имя Садка, известна в нескольких вариантах: Момент перехода в подводное царство получает значение окончательной гибели. Садко бахвалился "во глупом хмелю" богатством и тароватостью. Он пустил корабли в "океан-море, в святое озеро Ялынское". Корабль его остановился, жреби, брошенные на воду, указали смерть одному Садку. Спущенный с корабля, он кается перед смертью.³⁸ В некоторых вариантах гибель Садка связывается с мотивом отрыва от рода-племени, ссоры с родной матушкой.

Нет данных, которые позволили бы определить время возникновения песен о Садке и Добрыне, гибнущих в воде. Но совершенно твердо можно указать эпоху, для которой эти песни приобрели актуальное значение. Для русской культуры XVII - нач. XVIII вв. центральной стала тема столкновения с судьбой, ухода с обычных жизненных путей, дерзновения. Эта тема связывает песни о Садке и Добрыне с "Повестью о Горе-Злочастии" и, соответственно, со всеми циклизировавшимися вокруг нее фольклорными песнями и демократическими повестями. Но более непосредственна и конкретна связь песен о Садке и Добрыне с циклом о Ермаке-Разине-Пугачеве. В этом фольклорно-историческом цикле получает развитие не только тема дерзновения, но и мотив гибели в воде.

В одном из вариантов песни о Садке начало о похвальбе Садка заменено текстом, соответствующим зачину песни о гибели Степана Разина на Дунае, или на Дону, или в море, называемой в фольклористике "Разин остается один".³⁹

Непосредственная связанность песен о тонущих богатырях с разинским циклом легко объяснима. Песни о Добрыне и Садке сохраняют связи с исходными былинами, поэтому у гибнущих богатырей сохраняется черта героизма; героизм характерен также для Ермака-Разина-Пугачева. Садко, Добрыня, вожди-атаманы как персонажи дерзновенные равно отличаются от несчастного молодца из "Повести о Горе" героическим характером своего дерзновения.

Традиция гибели в воде героев разинского типа имеет свои самостоятельные истоки. В основе ее лежит сказание о гибели Ермака.

³⁸ Новгородские былины, с. 418.

³⁹ Там же.

бывает со дна моря костяными палочками его мать".⁴⁵ Таков же финский сюжет, вошедший в Калевалу (руны ХІУ-ХУ): тело Лемминкяйнена разрублено на куски и брошено в Туони, реку смерти. Мать, разребая воды Туони длинными граблями, собирает, соединяет части тела и воскрешает героя.

Пушкинское предание находится в таком же соотношении с полным эпическим сюжетом, как песня о гибели Добрыни - с былинной о змееборстве и песня о гибели Садка - с былинной о Садке в подводном царстве. Сюжет пушкинского предания не есть обрывок эпического сюжета с забытым смыслом, это - новый самостоятельный сюжет исторического фольклора.

Петр I, при своем выходе на историческую арену, был воспринят народным историческим сознанием как явление уже знакомое и понятное; соответствующую характеристику он получил через мотив гибели в воде. В песне о гибели Петра в реке Смородине не стоит искать следы протеста против петровской реформаторской деятельности. В этой песне способом, странным для современного сознания, но присущим фольклорно-историческому сознанию, оценено, героизировано и воспето свойство дерзновенности, в высшей степени характерное для Петра как исторического деятеля. Другим, сходным по значению, сценарием для дерзновенного героя был сюжет о сынке Степана Разина. Петру I была дана и роль сынка (ответ сынка астраханскому Воеводе):

"Пришел тебе не царь, не царевич и не царский сын,
Не король, не королевич, королевский сын,
По всей нашей Руси родовой казак
(православный царь)

Под названием Петр Алексеевич!"⁴⁶

Исторический фольклор сформировал свои особые этические представления. В этой этической системе активность с положительным знаком противопоставлена не активности с отрицательным знаком, как в эпосе и сказке, а отсутствию активности и каких-либо из ряда вон выходящих качеств вообще. В этой системе вполне отчетлива лишь оценка героя по степени динамизма, оценки других порядков размыты. Значение исторического лица для исторического фольклора определяется не силой добро-

⁴⁵ П о т а н и н Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, с. 788.

⁴⁶ Песни и рассказы о Разине и Пугачеве. Ред. А.Н. Лозанова, с. 16.

детели этого лица, не объемом его благотворительности, а степенью дерзновенности, динамичности. Имя Ивана Грозного вводится в сюжет сказки о хитром воре. Сказка становится историческим преданием, а Грозный, изображенный приятелем вора Шебарши, получает статус героя, любимого народом.⁴⁷

Исторический фольклор в выводимых им лицах ищет черты разбойничьих атаманов, поскольку разбойничий атаман есть наиболее активный для своего времени тип. В главных героических циклах — о Ермаке, Разине, Пугачеве — "воровские" подвиги не только не заменены подвигами добродетели, но, наоборот, всячески подчеркнуты. В одном из вариантов песни "Разин остается один" в предсмертном монологе Разин вспоминает как за 30 лет, ездя "по чисту полю, темным лесом", много он принес пользы царю: губил добрых людей, убивал поганых татар, грабил золотой казны.⁴⁸ В.К. Соколова замечает: "Надо отметить, однако, что в ряде песен Разин называется разбойником и вором, причем это далеко не всегда является показателем отрицательного отношения к нему. Эпитет "воровской атаманушка" сочетается с теплым, любовным отношением к нему: "наш батюшка воровской атаман Степан Тимофеевич".⁴⁹ По преданию нового времени, весьма характерному, Добрыня сидит на острове и грабит плывущие по реке корабли.⁵⁰

Поэтика исторического фольклора — поэтика динамизма. В историческом фольклоре разлагаются старые стабильные мировые сюжеты, формируются сюжеты новые. Соответственно, персонаж исторического фольклора должен обладать сюжетностью, т.е. подвижностью, способностью нарушать предустановленный порядок, уходить с общих путей. Петр, начавший свою деятельность с отъезда в посольской свите на чужую сторону, отвечал этим требованиям.

⁴⁷ В е с е л о в с к и й А.Н. Сказки об Иване Грозном. — Собр. соч. Т. 16. М.-Л., 1938.

⁴⁸ Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Ред. А.Н. Лозанова, с. 60-61.

⁴⁹ С о к о л о в а В.К. Русские исторические песни ... , с. 199.

⁵⁰ С о к о л о в а В.К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 144, из рязанского фольклора.